

*А.В. Гладышев **

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА НАСЕЛЕНИЯ ФРАНЦИИ С «ВАРВАРАМИ СЕВЕРА»: 1814 г.

Автор статьи анализирует те впечатления, которые остались у французов от их первых контактов с военнослужащими русской армии в 1814 г. Французское общество рассматривало Россию как полуварварскую державу, которая не входит в число цивилизованных государств. При этом большую роль в критериях «цивилизованности» играли внешний вид, манера разговаривать, «любезность в обхождении» и т.п. Внешний облик пришельцев, одежда казаков, черты лиц, казачьи крики, говор, песни и прочие издаваемые ими звуки – всё это казалось французским обывателям необычным и надолго сохранилось в их памяти. Исходя из французской системы цивилизационных координат, казаки были обречены при первом контакте получить больше «минусов», чем «плюсов».

Ключевые слова: имагология, Франция, Россия, кампания 1814 г., оккупация, образ Другого

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-182-204

Одним из последствий антропологического поворота в военной истории¹ стал всплеск интереса историков к теме образа Врага². Анализируя его, авторы, как и в большинстве, собственно, имагологических исследований, выявляют различные уровни восприятия Другого. Названия этих уровней могут быть разными, но главным критерием всегда служит степень рефлексии: «архетипам», «стереотипам» и собственно «образам» соответствуют «неотрефлексированное», «слабо ототрефлексированное» и «хорошо обдуманное» восприятие. Всякой встречи с Другим предшествует некое предзнание, будь оно неосознанным архетипическим или

** Андрей Владимирович Гладышев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национально-исследовательского государственного университета.*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

¹ Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136-150.

² В рамках русско-французского исследовательского проекта «Образ врага: взаимные представления французов и русских 1812-1814 гг.» в 2013 г. был подготовлен специальный выпуск «Французского ежегодника».

же формируемым целенаправленно «сверху» и слабо отрефлексированным «снизу» стереотипическим представлением о Другом.

Нужно учитывать также эффект апперцепции при первой встрече с Другим: содержание и направленность восприятия обусловлены знаниями и предшествующим опытом, в том числе и коллективным, сложившимися интересами, взглядами и отношениями человека к окружающей действительности. И здесь нам не обойтись без архетипов и стереотипов³. Так, выделяя «слабо отрефлексированный» уровень, можно констатировать «чрезвычайно стереотипичный и крайне упрощенный» образ казака во французской прессе, а обращаясь к мемуарным или эпистолярным свидетельствам современников, попытаться проследить «соотношение между старыми стереотипами и новыми впечатлениями» от контакта с русскими в период кампании 1814 года⁴. Выделяя неотрефлексированный уровень, через анализ «символов-репрезентов» в русском фольклоре можно обнаружить укорененные в глубинах коллективной памяти архетипические черты восприятия иноземных захватчиков в 1812 году⁵.

Но еще до включения мышления в процесс формирования образа Другого, до всякого обобщения явлений реальности путем умозаключений, работа по формированию этого образа уже идет. Начальным и основным источником наших знаний о внешнем мире являются ощущения. Процесс формирования образа Другого начинается всегда с чего-то самого простого, с чувственного восприятия реальности, которое происходит при непосредственном воздействии ее на наши органы чувств. Такой уровень восприятия окружающей действительности называют сенсорно-перцептивным и отличают две формы отношения сознания к действительности: ощущение (дистантные – зрение, слух, обоняние; контактные – вкус, осязание) и собственно восприятие (перцепция). Ощущения отвечают за первичную обработку информации, восприятие объединяет изолированные ощущения и вместо изолированных признаков у нас возникает целостный образ предмета (человека).

³ Подробнее об этом см.: *Гладышев А.В.* Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции во время кампании 1814 года // История и историческая память. 2013. Вып. 7-8.

⁴ *Goubina M.* La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812 – 1827. P., 2007.

⁵ *Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012. М., 2012. С. 355, 362.

Существуют различные теории, пытающиеся объяснить, как внешние сигналы, воздействующие на органы чувств, преобразуются в осмысленные перцептивные впечатления. И все подобные теории подчеркивают важность этого уровня для понимания процессов формирования образа Другого.

Особую роль при этом играет первый контакт, первая встреча с Другим, как считают специалисты-психологи. Рецептивное доверие или недоверие возникает быстрее, чем человек моргает. Кто-то вам внешне не понравился – отсюда уже и общее недоверие. Зрительная система за доли секунды записывает визуальный образ в память, и мозг выносит решение, которое трудно изменить даже за довольно длительный период более тщательного наблюдения. Психологи подсчитали, что при общении с новым человеком в течение первых 30 секунд запоминается 55% впечатлений, производимых внешностью, и 38% впечатлений, производимых голосом, и при этом не так уж важно, *что именно* говорится.

Отечественная война 1812 г. была для самых широких слоев гражданского населения России самым масштабным и шокирующим опытом контакта с «французом» (при всей условности и собирательности понятия «француз»). Таким же опытом для массы французов стала военная кампания 1814 г. – вторжение вражеских войск во Францию.

Попробуем проследить, на что больше всего обращало внимание гражданское население Франции при первом контакте с иностранными военными, каковы были пути формирования образа Другого. Конечно, историк не может здесь применить в чистом виде те методики, что доступны психологам и физиологам при выявлении роли первичных визуальных и звуковых ощущений: историки имеют дело не с непосредственно наблюдаемым, а анализируют уже зафиксированные свидетельства о первой встрече с Другим. Но с другой стороны, историк вполне в состоянии выявить «реперные точки», сохранившиеся от первой встречи с Другим в коммуникативной памяти и получившие со временем символическое значение.

Французское общество рассматривало Россию как преимущественно азиатскую державу, которая не входит в число цивилизованных государств и населена полуварварами, а те, несмотря на свое богатство, не имеют ничего общего с «вкусами, наклонностями, духом, любезностью в обхождении, свойственной нашим

нравам»⁶. Даже в обращениях Наполеона к Сенату накануне кампании 1812 г. звучало слово «варвары». Особенно большой интерес, смешанный со страхом, вызывали казаки, которые благодаря пропаганде стали символом России вообще. Как заметила М.П. Рей, казаки, эти «пожиратели свечек» и детей, были в глазах французского общественного мнения инкарнацией отсталости империи русского царя⁷.

Маркиз Ф.Э. Вильнев-Баржемон, рассказывая о кампании 1799 г. в Италии и о стычках с русскими войсками, упоминает, что однажды им удалось пленить казака. После побед Суворова в Италии о казаках тогда говорили очень много. Казаки казались людьми весьма необычными, в плен попадали крайне редко и потому пленник вызвал очень большой интерес: на него смотрели как на «дикивинного зверя» (*bête curieuse*)⁸. Маркиз сопровождал пленного в штаб-квартиру Массена. Переводчика не нашлось, и общались жестами. Казаку дали стакан вина и предложили пять франков за висевшую у него на шее медную иконку Св. Николая. Казак обиделся и жестом показал, что иконку у него можно отобрать, только лишив его головы. Затем его отвели к топографам, которые хотели его зарисовать в разных позах: казак, видимо, думал, что эта церемония предшествует казни, и со страхом в глазах все время целовал свою иконку. Потом пленнику дали несколько монет и сквозь толпу любопытных повели в тюрьму. Маркиз оговаривается: в ту пору многие действительно полагали, что «казаки питаются сырым мясом, а иногда едят и детей»⁹. В Базеле, Женеве, Нантуа, Лионе, – везде население расспрашивало прибывших из Италии о казаках и Суворове: «ужас проник в самое сердце Франции». Офицеры же забавлялись, пугая обывателей рассказами о жестокости русских: «Когда нас спрашивали, правда ли, что казаки едят людей, мы отвечали, что не было еще казака, который не отведал бы маленького ребенка»¹⁰.

⁶ Corbet Ch. À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). P., 1967. P. 77.

⁷ Rey M.-P. Les cosaques dans les yeux des française, à l'heure de la compagnie 1814: contribution a une histoire des images et des representations en temps de guerre // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. P. 56.

⁸ Villeneuve-Bargemon F.E. Memoires // *Carnet de la Sabretache: revue militaire rétrospective*. 1923. Ser. 3. T. 6.

⁹ Ibid. P. 324-325.

¹⁰ Villeneuve-Bargemon F.E. Op. cit. P. 345. «Словарь французских предубеждений» гласит, что когда в Италии и Швейцарии появился Суворов, то во Франции распространился

В 1799 г. Франция благополучно избежала иноземного нашествия. Но потрясение оказалось достаточно сильным. В самом конце XVIII столетия «русская угроза» внезапно оказалась для французского обывателя как никогда близка к реальности. Казаки уже стали символом российской дикости.

Кампания 1812 года не добавила, как отмечает М. Губина, к образу казака существенно новых черт. Главной из них по-прежнему считалась нецивилизованная «дикость» его внешнего вида: «Образ казаков остается в рамках уже известного стереотипа. <...> Примечательно, что даже во время ужасного отступления к этому образу не добавляется существенно новых более жутких и неправдоподобных деталей»¹¹. Но все же нужно признать, что образы России в целом и казака в частности получили подпитку свежими впечатлениями, а сам исход кампании 1812 г. сделал русских главными виновниками неудач французского императора.

С появлением в конце 1813 г. союзников у границ Франции ожили архетипы нашествия варваров. Наполеоновская пропаганда усердствовала в формировании негативного образа казака. Так, используя дегуманизирующий дискурс, газета *Journal de l'Empire* еще в декабре 1813 г. писала: «Из человеческого у казака только руки и ноги»¹². Демонизация здесь служила средством оправдания убийства еще до самого факта убийства. На казака надо охотиться не как на человека, а как на зверя. В номере *Journal de l'Empire* от 26 января цитировался Карл Мартелл, якобы призывавший накануне битвы при Пуатье, остановить «варваров»¹³. Неудивительно, что французские мемуаристы будут потом напе-

слух, что «русские едят на ужин детей, как мы едим котлеты. И так думал самый просвещенный народ». См.: *Chesnel de la Charbouclais L.P.F.A. Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires*. P., 1856. P. 934.

¹¹ Губина М.В. «Война перьев» в 1812 году // ФЕ 2013. М., 2013. С. 196. М. Губина полагала, что «жуткие и неправдоподобные детали» добавятся к образу казака в 1814 г., когда много будут писать о казаках-людоедах. Мы же видели, что молва о каннибалах из России имеет более раннюю датировку.

¹² Казак — это человек «малорослый, в дурацкой шапке, перевязанной у основания грязным лоскутом в виде валика; в грязной бараньей шкуре, привязанной шнурком к телу, широких панталонах из грубой ткани, цвет которых трудно определить; со связкой тряпок на ногах вместо обуви; восседающий на тощей лошади, неутомимой как и ее хозяин; вооруженный пикой, шашкой, очень редко пистолетом; с сумкой, чтобы складывать свою добычу; он также носит более или менее длинную бороду; наконец, из человеческого у него только руки и ноги». См.: *Journal de l'Empire*. 1813. 27 décembre.

¹³ Цит. по: *Рей М.-П. Царь в Париже*. М., 2017. С. 55.

ребой писать о «варварах», а Беранже заговорит стихами о втором пришествии Аттилы и казаках, вставших бивуаком во французских дворцах¹⁴.

Современник событий Станислас-Жан-Батист Минере из Лангра писал, что «вид этих варваров, вооруженных луками и стрелами и восседающих на дромадерах, позволял думать, что вернулись старые времена, эпоха, когда Аттила приказывал разрушать города лингонов»¹⁵. Другой краевед из Бар-сюр-Об Л. Шевалье, столь же любящий метафоры, также сравнивает интервенцию войск антифранцузской коалиции с нашествием варваров: «Спустя полтора тысячелетия Франция снова увидела гуннов и вандалов!»¹⁶ Рядом с гуннами и другими варварами упоминаются казаки и на страницах появившейся в начале 1814 г. книги Ш.-Л. Лезюра «История казаков». Это произведение – компиляция, выполненная на основе западноевропейских источников. Лезюр сравнивает быт и нравы черноморских казаков с гуннами и печенегами, пытаясь доказать варварские истоки происхождения казаков¹⁷.

Появление во Франции казаков сравнивают то с набегами викингов, то с завоеваниями арабов. Аббат Сурдат писал 22 декабря 1813 г. в одном из писем своим знакомым в Реймс: «Казаки, эти дикари с берегов Днепра, эти арабы Севера? Ах, они испугали нас! После поражений наших армий мы думали, что их полчища придут, чтобы грабить, жечь и убивать нас». Именно этого христианский проповедник ждал от диких язычников: «В вашем большом городе вы защищены от этого страха, тогда как наши бедные деревенские жители, имея для защиты только женщин, были бы очень счастливы рассчитаться лишь курами да ветчиной»¹⁸. Откуда аббат почерпнул сравнение казаков с арабами, косвенно свидетельствует А. Бошан, который писал о том, что журналисты, эти «регуляторы общественного мнения», вдохновляемые министром полиции Савари, старались всячески довести до сознания францу-

¹⁴ Dupuy A. Les Cosaques dans l'histoire et la littérature napoléoniennes // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1971. T. 18. № 3. P. 436.

¹⁵ Migneret S. Précis de l'histoire de Langres. Langres, 1835. P. 258.

¹⁶ Chevalier L. Histoire de Bar-sur-Aube. Bar-sur-Aube, 1851. P. 260. При этом Шевалье под варварами имеет в виду не собственно казаков, а интервентов вообще.

¹⁷ Об этой книге см.: Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005. P. 223.

¹⁸ Sourdat. Un village de la Haute-Marne. Villiers-en-Lieu // Revue de Champagne et de Brie. Arcis-sur-Aube. 1900. T. 12. P. 483.

зов: если те не поднимутся дружно на защиту родины, то «казаки, эти арабы Севера, уже в феврале придут, чтобы диктовать им свои законы»¹⁹.

Пропаганду, как, впрочем, и контрпропаганду, нельзя сбрасывать со счетов: она оказывала влияние и на обывателей, и на их последующие воспоминания. При этом иногда человек искренне верил, что он все это помнит, а в действительности имел место эффект искаженного (ложного) воспоминания, с «наведенной памятью», с образами, навязанными пропагандой. В наполеоновских газетах широко распространялась информация о злодеяниях войск неприятеля: «Был составлен страшный портрет иностранных солдат <...> Их обвиняли в изнасилованиях, грабежах, поджогах»²⁰.

Причем речь идет не об отдельных преувеличениях, а о запугивании собственного населения, поставленном на поток. Тема каннибализма вновь была поднята в анонимно вышедшей брошюре «Историческая картина преступлений, совершенных казаками во Франции»²¹. В этом сочинении, которое можно считать своеобразной квинтэссенцией высказывавшихся в газетах обвинений против казаков, упоминается, в частности, о некоем мужчине из Бресюр-Сен (Braye-sur-Seine), у которого не было еды, чтобы накормить казаков-«каннибалов», и ему приходилось опасаться в этой связи за жизнь своего ребенка²².

В результате чтения таких пропагандистских текстов у читателей возникало эмоциональное состояние, именуемое психологами «напряженным ожиданием» (suspense). Оно обычно характеризуется «чувством неопределенности» и ожиданием дальнейшего развития событий в негативном направлении. Психологическое возбуждение, вызванное напряженным ожиданием, спадает относительно медленно и может трансформироваться в какие-то нехарактерные для обычного положения вещей действия. И чем напряженнее ожидание первой встречи с Другим, тем потом резче и глубже в памяти остаются впечатления от этой встречи.

¹⁹ *Beauchamp A. Histoire de la campagne de 1814: et de la restauration de la monarchie française. P., 1815. Т. 1. P. 56.*

²⁰ *Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes...*

²¹ *Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France. P., 1814.*

²² *Ibid.* Казаки знали, как их представляла наполеоновская пропаганда. Платов, покидая Труа, иронически бросил членам муниципалитета: «Господа, варвары севера, покидая город, имеют честь вас приветствовать». См.: *Pingaud L. Les français en Russie et les russes en France: l'ancien régime, l'émigration, les invasions. P., 1886. P. 393.*

Драматичности моменту первой встречи придавало и отсутствие на ней представителей высшей государственной власти Франции: вести переговоры с незванными пришельцами вынуждены были мэр и члены муниципалитета. Прибытие иностранных войск в ту или иную коммуну становилось, как подметил Ж. Антрэ, критическим моментом: государственная власть отсутствовала, порядок никем не поддерживался, а контакты с неприятелем и реквизиции оказывались неизбежными²³.

Иногда в историографии можно встретить утверждение о безразличии местного населения к появлению в их городах и деревнях войск противника... Трудно себе представить, что было именно так. Но тем не менее на основании донесений префекта от 5 января 1814 г. А. Шюке так описывает реакцию населения Верхней Соны на появление врага: «Жители продолжали заниматься своими обычными делами, как будто ничего не случилось. <...> Префект сообщал, что население поразил ступор»²⁴. Ф. Стинакер писал: «Как наступила оккупация, храбрость была как будто скована и сокращена до бессилия»²⁵. Схожие наблюдения мы обнаруживаем и у Вейля, который, характеризуя первую реакцию на появление русских улан в Аньо или Агено (Haguenau), ссылается на рапорты Витгенштейна и Барклая де Толли русскому императору от 5 января. Из их донесений следует, что вступление в город не вызвало, похоже, никаких эмоций и никакого беспокойства со стороны населения, которое продолжало заниматься своими обычными делами, будто ничего и не произошло²⁶.

Кто-то пишет о «ступоре», «оцепенении», «равнодушии», кто-то, как Ж. Тюлар, об «апатии», кто-то, как А. Собуль, об «усталости от патриотизма»... Но во всех случаях речь идет о нежелании французов в массовом порядке оказывать сопротивление интервентам. На это обращали внимание и русские военные. «Французы равнодушно внимали голосу правительства, и при нашем вступлении говорили только о мире. Они ходили с мрачным, потупленным взором, с холодной вежливостью принимали постояльцев, и слышны были только их общие желания, чтобы скорее кончилась война», — свидетельствует А.И. Михайловский-Данилевский²⁷.

²³ Hantraye J. Op. cit. P. 31, 223-224.

²⁴ Chuquet A. L'Alsace en 1814. P., 1900. P. 78.

²⁵ Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. P., 1868. P. 155-156.

²⁶ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 39.

²⁷ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году.

Французские авторы довольно часто акцентируют внимание на стремлении гражданского населения Франции отложить личную встречу с Другим, избежать прямого контакта с иностранными войсками, а точнее, на страхе перед «варварами», который заставлял крестьян оставлять свои дома и прятаться в пещерах и лесах. Но в действительности единой модели поведения не было: покинуть жилище означало обречь его на полное разграбление и даже разорение... Еще А. Уссэ признавал, что в одних деревнях при крике: «Казаки!» население предпочитало убегать в лес, унося с собой пожитки и угоняя скотину. Другие же, доверяя прокламациям союзников, обещавшим неприкосновенность собственности и поддержание строгой дисциплины, оставались в своих жилищах²⁸.

Более того, есть свидетельства и о том, что где-то казаков население встречало с надеждой. Теодор Жюст писал, что бельгийцы с большим энтузиазмом приветствовали казаков как освободителей. Например, в Антверпене толпа восторженно рукоплескала и кидала вверх шляпы при въезде в город казачьего авангарда. Фламандские крестьяне, ненавидевшие французских агентов и инспекторов, приходили к русским или пруссакам и просили у них оружие, чтобы сражаться на их стороне²⁹. Левенштерн приводит в своих мемуарах анекдотичный рассказ о том, как один казак занял Монс, вынудив небольшой отряд французских жандармов и взвод пехоты оставить город, после чего устроился в ратуше бриться и принимать угощения от благодарных за «освобождение» бельгийцев³⁰.

Не только в Голландии или Бельгии, но и в самой Франции прибытие частей союзников, в том числе и казаков, вызывало у местного населения самый живой интерес. Многие мемуаристы, как французские, так и русские, описывая события января 1814 г., обращают внимание на то любопытство, с которым французы на первых порах встречали диковинных воинов. Нужно сказать, французы дивились на иноземцев не только при их первом вступлении в город: городские стены и валы бывали усыпаны любопытными и тогда, когда войска союзников город оставляли. Иногда же с риском для собственной

В 2 ч. СПб., 1836. Ч. 1. С. 60-61. «Народ здесь весьма равнодушен и убог. Если его не мучить, он оставит нас в покое», — писал Нессельроде из Лангра 14 (26) января. — Цит. по: Рей М.П. 1814. Царь в Париже. С. 58.

²⁸ Houssaye H. 1814. P., 1900. P. 15-16.

²⁹ Juste Th. Le soulèvement de la Hollande en 1813 et la fondation du royaume des Pays-Bas. Bruxelles, 1870.

³⁰ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 191.

жизни местное население откуда-нибудь с холма или опушки леса наблюдало над разворачивавшейся в долине баталией³¹.

Генерал-лейтенант князь Д.В. Голицын так описывал появление его отряда перед французами: «Едва лишь крестьяне и крестьянки узнавали, какой он национальности, как тут же все они выбегали поглазеть на русского и казаков, его сопровождающих. По очереди поселяне высказывали похвалу в наш адрес, но особенно восхищались казаками и немало дивились той манере, с которой наши люди с ними обращались. Все жители остаются в своих городах и деревнях, и только супрефекты и префекты сбежали»³².

Справедливости ради замечу, что интересовали французов не только русские с их пугающей экзотикой – «казаками», но и вообще всякие новости о происходившем, да и появление любых новых лиц. Так, в небольшой коммуне Фошкур, куда 24 января прибыли три баварца с приказом о реквизициях, во дворе у мэра собрались почти все жители деревни, а через минуту любопытные заполнили и сам дом: это ведь был их первый контакт с иностранными военными³³.

В опубликованных в 1856 г. А. Лебером «отрывках из одного дневника» есть свидетельство, что, когда казаки вступили в Кольмар, горожане, затаив дыхание, сначала издали следили за их прибытием на центральную площадь. Но затем кольмарцы по-немногу осмелели и постарались удовлетворить выказанное военными желание утолить жажду. «Вскоре площадь была заполнена любопытными, пожимавшими руки вражеским солдатам»³⁴. Такое же любопытство проявили с появлением в их городе казаков, правда пленных, и कंपьенцы: «24 февраля весь город пришел в движение, чтобы пойти посмотреть на нескольких взятых в плен казаков»³⁵. Конечно, обыватели в массе своей едва ли при этом

³¹ Так, жители Лиона развлекались, глядя на битву 20 марта 1814 г. при Лимоне (Limonest). См.: *Croyet J.* 1814: L'armée de Lyon [Электронное издание] – URL: // <http://sehri.over-blog.fr/article-1814-dans-l-ain-121006621.html>

³² *Петерс Т.* С полей сражений. 1812-1815 гг. М., 2012. С. 275.

³³ *Guyot [Ch].* Souvenirs de la première invasion d'après le journal de Charles d'Éspinal, maire de Fouchécourt, 25 décembre 1813 – 1er mai 1814 // *Mémoires de l'Académie de Stanislas* (Nancy). 1912. Vol. 10. P. 128-146. Это не публикация источника как таковая, а пересказ воспоминаний Шарля д'Эспиналя.

³⁴ *Lebert H.* Souvenirs de 1813 et de 1814. Extraits d'un journal // *Revue d'Alsace*. 1856. T. 7. См. переиздание с небольшим вступительным комментарием в сборнике П. Робена: *Lebert H.* Souvenirs de 1813 et de 1814. Extraits d'un journal // 1814: la guerre racontée par les témoins. P., 2004. P. 13-27.

³⁵ *Escuyer.* Compiègne en 1814 // 1814-1815. Souvenirs des régions envahies. Extraits du Carnet de La Sabretache. P., 1999. P. 59.

планировали «наблюдать» за казаками, они хотели просто на них поглазеть.

А вот как описывает вступление казаков в Шомон профессор местного колледжа пылкий республиканец Пьер Дарден: «К полудню город охватил большой страх. Отряд казаков, направляясь в Лангр, зашел и в наш город. С их приближением толпа выстроилась вдоль дороги, чтобы наблюдать их проход: в толпе было много детей в военных костюмах, в касках, с патронными сумками из бумаги и деревянными саблями. <...> Некоторые из этих грабителей, без сомнения, думая, что то была пародия на русские или австрийские войска, направили на них опущенные пики, пугая. Толпа детей бросилась через поля врассыпную. Вслед за детьми испугались и взрослые, бросившись с криками, кто куда. Поспешил ретироваться и я. Один казак пустился по моим следам, потрясая пикой, в которой было 6 футов длины. Я остановился, как бы позволяя ему проехать. Он был уродлив, как дьявол и в лохмотьях, как нищий. Он меня спросил на плохом жаргоне, который я больше уловил, чем понял, остались ли французские солдаты в Шомоне. После моего отрицательного ответа он пронесся галопом по улице, подражая примерно двадцати своим товарищам, которые также пустились вскачь с большой скоростью»³⁶.

Как видим, профессор невысокого мнения о казаках, которых он готов рассматривать не более как «скотину» (animal). Обитают они «по праву завоевания» «в районе Азовского моря, на берегах античного Танаиса». Дарден обращается в письме к своему другу: «Вообразите себе людей достаточно посредственной внешности, среднего роста, с бородой как у козла и некрасивых как обезьяны»³⁷. «Они совершенно не имеют униформы, одежда их различных цветов, часто рваная или латаная. Казаки – настоящие каналы России. И это завоеватели Франции! До какой степени деградации мы докатились!»³⁸

Эти письма Дардена обильно цитировал в своем исследовании Стинакер, внимание которого также привлекло описание внешнего вида казаков. Одежда казаков – свободное платье, напоминающее сутану священника. Некоторые из них носят высокие ци-

³⁶ Цит. по: *Steenackers F.F.* Op. cit. P. 233, note.

³⁷ *Dardenne P.* Le récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «Lettres historiques» de Pierre Dardenne (1768–1857). P., 2008. P. 15.

³⁸ *Ibid.* P. 15-16.

линдрические шапки, некоторые круглые и плоские, «наподобие наших овернцев»; «некоторые одеты в овчинные полушубки, предохраняющие их от холода, некоторые же <...> носят на своих плечах широкий плащ из шкуры медведя. <...> В целом все они были весьма оборваны»³⁹.

Дарден отличал регулярных казаков от нерегулярных, но принципиальной разницы между ними не видел: «Есть казаки, которые называются регулярными, они сведены в полки и менее гнусны, чем те, о которых я вам говорил, хотя принадлежат одной нации: они хоть немного соблюдают воинскую дисциплину, в то время как первые к ней совершенно неспособны и большие воры по своему призванию». Склонность к грабежу, полагал Дарден, в самой «природе» казаков: когда они не могут больше грабить врага, они грабят своих офицеров и друг друга, они подошли бы скорее шайке разбойников Картуша, чем армии одного из главных суверенов Европы⁴⁰.

Письма Дардена, популяризированные благодаря книге Стинакера, станут источником вдохновения и для других мемуаристов и краеведов. Так, воспоминания о казаках мэра коммуны Море-сюр-Луан, изложенные Г. Лиоре, весьма похожи на текст Дардена. «Родом с берегов Азовского моря и берегов Дона казаки были мужчинами татарского типа, среднего роста, бородатыми и некрасивыми. Их одежда состояла из длинного левита, застегивающегося спереди и подпоясанного вокруг поясницы кушаком. Те, кто побогаче, носили разновидность халата из синего сукна с красным поясом. Поверх накидывали еще баранью или медвежью шкуру. Некоторые водружали себе на голову высокую цилиндрическую шапку, другие – круглую широкополую шляпу, похожую на ту, что носят наши овернцы. Об униформе как таковой говорить не приходится, они, казалось, были удовлетворены своей грязной и жирной одеждой. <...> Почти все были верхом, но некоторые ехали в повозках. Слывшие отличными всадниками, они восседали в высоких седлах на длинногривых лошадях, плохо сложенных, но сильных и быстрых. Эти седла, известные как казачьи седла, освобождали на крупе лошади место, которое использовалось для перевозки добычи. Не используя шпо-

³⁹ *Steenackers F.-F.* Op. cit. P. 203.

⁴⁰ Цит. по: *Steenackers F.-F.* Op. cit. P. 204. Это же сравнение с Картушем использовал, без всякого указания на источник, А. Дюран. См.: *Durand A.* Napoléon à Fontainebleau: choix d'épisodes. Fontainebleau, 1850. P. 134.

ры, они обычно заменяли их кнутом; их пики, с которыми они очень ловко управлялись, достигали от восьми до десяти футов в длину»⁴¹.

Профессор Дарден, бежавший с места своей первой встречи с казаками, видимо, был тогда серьезно напуган. Ему доведется в дальнейшем познакомиться с казаками гораздо ближе: они будут квартировать у него дома, обедать с ним за одним столом, вести беседы... Но первое его впечатление от контакта с казаками оставит свой отпечаток на всей его последующей переписке. Скорее оборванные, чем одетые, в шурах из овчины или из медведя, что еще больше подчеркивало их варварское обличие, казаки выглядят, у Дардена, больше зверьми, чем людьми или, в лучшем случае, «полулюдьми – полуживотными», «канальями», склонными от природы к воровству⁴². Показательно, что с той первой встречи ему запомнились внешность, одежда, необычное вооружение и исковерканный язык казака.

Несомненно, внешний вид содержит невербальные сигналы и влияет на подсознание людей. При первой встрече с Другим именно его внешний облик настраивает на определенный лад. «Оформление внешности» оказывает большое влияние на формирование стереотипного восприятия человека: складывающийся при первом знакомстве образ регулирует на подсознательном уровне последующее поведение. Разрозненные визуальные ощущения обобщаются в целостное впечатление, а оно уже влияет на последующую рефлексию. Французские мемуаристы, рассказывая о вступлении войск союзников в их города и коммуны, как правило, начинают именно с описания, хотя бы краткого, внешнего облика противника.

Первое, что бросалось в глаза французам, – изношенность одежды казаков. Графиня де Буань, наблюдавшая в Париже за донскими казаками, занятыми починкой своей одежды, оговаривается, что это были регулярные гвардейские казаки, которые редко использовались в качестве разведчиков и потому «им меньше везло в мародерстве, чем их собратьям, казакам нерегулярным»⁴³.

Мадам де Мариньи в своем дневнике также обращала внимание на внешний вид казаков: у большинства из них «нечто вро-

⁴¹ Lioret G. 1814-1815 à Moret et dans les environs. Fontainebleau, 1904. P. 32-33.

⁴² Письмо Дардена от 30 января обильно цитируется у Ф.Ф. Стинакера и у М.-П. Рей.

⁴³ Boigne. Récit d'une tente. Mémoires de la comtesse de Boigne. Paris, 1921-1923. T. 1. P. 301. - Цит. по: Рей М.-П. Царь в Париже. С. 177.

де редингота, цветом и формой напоминающего сутану капуцина; одни подвязаны веревкой, другие – платком, некоторые – кожаными поясами; они плохо обуты, на головах у них грязные плоские шапки, они воняют; они пожираемы паразитами. Впрочем, они большие и крепкие. Моя горничная видела, как один из них воровал яйца – он взял в одну руку сразу пять яиц»⁴⁴.

Луи Рожерон, один из наиболее известных в конце XIX в. краеведов родного ему Провена, пересказывает впечатления современника от занятия этого города 1(13) февраля 1814 г.: «Когда мы увидели, как по улицам скачут на своих маленьких нервных лошадах эти ужасные северные медведи, с козлиной бородой, в меховых жилетах мехом наружу, с пистолетами за поясом, с пиками, насаженными на жерди восьми футов, грязные, точно извалявшиеся в грязи свиньи, с вытаращенными глазами, в которых застыли жажда убийства и грабежа, мы сразу решили, что беженцы, рассказывавшие нам о них, были правы, когда обратились в бегство, и что они не обманули нас на их счет»⁴⁵. Первая ночь оккупации прошла в Провене совершенно спокойно, хотя никто и не спал: от иноземцев ожидали такого поведения, какое заставлял предположить у них подобный наряд.

Помимо одежды на стереотипы восприятия влияют физиогномические особенности и конституция человека: рост, телосложение, прическа, глаза, подбородок и т.п. Венский психолог Л. Сонди пришел к выводу, что образ друга и образ врага подсознательно формируется в своей основе уже при первой встрече, когда информация о незнакомце «считывается с лица»⁴⁶.

Левенштерн, вспоминая свои встречи в Брюсселе в конце января 1814 г. с «выдающимися личностями бельгийской аристократии», в частности, отмечал, какое любопытство вызвал у местных дам его казачий мундир, наградные кресты и нагайка, а также, удивление тем, что он отваживается командовать казачьей «вольницей»: «Меня стеснялись спросить, каким образом я очутился во главе стольких бородатых и на вид диких людей»⁴⁷.

⁴⁴ *Marigny*. Paris en 1814: journal inédit de Mme de Marigny. Paris, 1907. P. 61-62. - Цит. по: *Peù M.-П.* Царь в Париже. С. 174.

⁴⁵ *Rogeron L.* Les Cosaques en Champagne et en Brie. Récits de l'invasion de 1814, racontés d'après les contemporains, les autres modernes, des documents originaux. P., 1905. P. 48.

⁴⁶ Подробнее см.: *Иванская Л.Н.* Психологические закономерности идентификации лица. СПб., 2006.

⁴⁷ Записки генерала В.И. Левенштерна... С. 191.

Упоминание бороды не случайно. Как показывают исследования психологов, на подсознательном уровне опасным воспринимается человек, который имеет узкий подбородок, резкие скулы на впалых щеках, низко посаженные брови. Добрыми же кажутся люди полные, улыбчивые, с мягким плавным голосом, похожие на детей. Таким образом, бородатый и скуластый казак должен был вызывать интуитивное чувство опасности. Тем более это относилось к раскосым и смуглым калмыкам и башкирам. Если человек внешне привлекателен, то он кажется лучше и во всех других отношениях; если же он непривлекателен, то остальные его качества недооцениваются. Фактор привлекательности сильно влияет на содержание формирующегося представления о человеке именно в момент образования *первого впечатления*. И дело здесь не в «красоте», а в социальном значении тех или иных отличительных черт: есть одобряемые и не одобряемые обществом или конкретной социальной группой типы внешности. Если представить, что при первом контакте некий относительно устоявшийся ментальный «трафарет», «стандарт» прикладывается, соотносится с новым объектом, то, видимо, надо будет признать, что казаки были *обречены* при первом контакте получить у французов больше «минусов», чем «плюсов»...

Еще один важный фактор, влияющий на формирование стереотипа Другого при первом с ним контакте, – манера говорить. Первое впечатление во многом зависит от привлекательности и непривлекательности голоса: по еле уловимым нюансам звуков речи мы судим о личности других. В звуках голоса непроизвольно отражаются личностные особенности человека, его достоинства и недостатки.

Ученые обнаружили, что носители различных языков способны опознавать некоторые типы интонации (особенно эмоциональной) совершенно незнакомого языка. Даже априорно можно предположить, что восприятие чужой речи французскими обывателями в момент первого контакта определялось конкретной ситуацией. А что можно услышать от ворвавшихся первыми в город казачьих разведчиков? Повышенные тона, металлические нотки, императивные интонации, окрики? Но все подобные звуки чаще всего расцениваются как проявление агрессии. Когда речь идет об иностранных языках, фокус внимания смещается сам собой: важно уже не то, *что* кричат (все равно непонятно), сколько то,

как кричат. Тем более это важно в ситуациях, когда что-то в происходящем является для слушателя невероятно значимым, может быть, даже жизненно важным.

Обращения или приказания вооруженных иноземцев воспринимались гражданским населением с особенным трепетом. Дарден пишет в начале февраля, что на улицах Шомона постоянно слышна иностранная речь. А поскольку ему еще и с постояльцами надо было как-то общаться, он даже выучил несколько немецких слов: в первую очередь – «Ничего нет!». Дарден уверяет, что видел на улицах плачущих французов, которые боялись вернуться к себе домой, опасаясь вызвать раздражение «этих варваров с Украины», требований которых они не могли никак понять⁴⁸.

Вообще-то союзники следили за тем, чтобы в летучих отрядах находились офицеры, умевшие изъясниться по-французски, однако в каждый дом толмача не пришлешь. Мемуаристы нередко упоминают о том, что, если русские офицеры знали французский, то именно от них население и узнавало последние новости. Впрочем, «плохой французский» рассматривался как один из признаков варварства, ибо в представлениях французов того времени «цивилизованный» человек – это человек «куртуазный», «учтивый», «милый и обходительный в обществе»⁴⁹.

Стинакер пересказывает анекдотический случай, произошедший в марте 1814 г. в Шомоне. Пятнадцать венгерских гусар, ни один из которых не говорил по-французски, никак не могли добиться понимания от хозяев дома. Наконец, видя, что перед ними только две женщины и ребенок, они начали крушить мебель. Однако 13-летний мальчишка сбегал в мэрию за родным дядей. Прибывшая муниципальная комиссия застала венгров в самый разгар буйства. И тогда кому-то в голову пришла идея заговорить с ними на латыни. Язык Цицерона и франкмасонов произвел на венгров желаемое впечатление: с этого момента они превратились в добропорядочных постояльцев и защитников того дома⁵⁰.

Особенно французов пугала речь на восточных языках. К немецкому они еще как-то смогли привыкнуть, но «сильные крики татар», в шесть утра поднимавшие с постели мирных горожан, вызывали трепет перед «дикими варварами». Некоторым мемуа-

⁴⁸ Цит. по: Steenackers F.F. Op. cit. P. 226, 233, note.

⁴⁹ См.: Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. М., 1994. С. 249.

⁵⁰ Steenackers F.-F. Op. cit. P. 211.

ристам, подмечает в своей диссертации Блондо, русский язык казался скорее языком животных, чем людей⁵¹.

Отдельно мемуаристы описывают непривычные для их слуха пение и музыку казаков. Дардену нравились лишь церковные песнопения: «Слова, как мне сказали, были на славянском языке, который показался мне столь же гибким, податливым, как итальянский». «Голоса сладкие», «песня приятная» («своего рода гул»), — отмечал профессор не без удовольствия⁵².

Что же касается народного творчества, то оно пришлось французам не по вкусу. Мельвилль, описывая сдачу Лаона отряду казаков под командованием Лопухина, отмечал: два часа спустя «жители с удивлением, смешанным со скорбью, слушали, как на улицах города гремит их варварская музыка и раздаются дикие крики»⁵³.

Вышеупомянутая одиозная брошюра «Историческая картина преступлений, совершенных казаками во Франции» акцентирует «варварство» казаков через лексему «выть»/«вой»: «Эти варвары жутко выли, повернувшись в сторону столицы; было видно, как некоторые, набрав в руки пепла, швыряли его вверх, крича изо всех сил: “Париж!”»⁵⁴ От того и кажется узнаваемым замечание романиста Жюль Бордо, писавшего, что в Труа галопом ворвались казаки, «издавая дикие завывания»⁵⁵.

Однако из всех казачьих возгласов наибольшее впечатление на французов производило, конечно же, дружное «Ура!». Крик «ура» используется в разных языках. Во французском он, как считают некоторые специалисты в области этимологии, присутствует как минимум с 1722 г. Между тем французские словари XIX в. толкуют его в первую очередь как крик приветствия или одобрения (синоним «браво»). Вместе с тем французам было привычнее выражать радость возгласами «Виват!» или «Браво!». Крик «ура» в их армии не был распространен. А как боевой клич «ура» ассоциировался исключительно с русскими⁵⁶.

⁵¹ Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Saon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon, 2013. P. 227. Заметим, что Блондо изучал область, оккупированную преимущественно австрийскими войсками. Местное же население далеко не всегда было способно отличить речь хорватского ополченца, к примеру, от башкирского языка.

⁵² Dardenne P. Op. cit. P. 63.

⁵³ Melleville M. Histoire de la ville de Laon et de ses institutions. P., 1846. T. 2. P. 371

⁵⁴ Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France. P., 1814.

⁵⁵ Bordot J.G. Napoléon en Champagne: épisodes de l'invasion de mil huit cent quatorze. P., 1854. P. 131.

⁵⁶ Существует анекдот, что русское «Ура!» французы первоначально восприняли как

О социокультурном назначении и происхождении клича «Ура!» спорили и будут спорить. Но все при этом признают, что крик – это очень сильное психологическое оружие: он подбадривает и раззадоривает товарищей, изгоняет из сердца кричащего страх и одновременно наводит ужас на противника⁵⁷. О криках казаков писали еще участники кампании 1812 г. Барон Луи-Франсуа-Жозеф Боссе, отмечая страх французов перед казаками, в своих мемуарах упоминает «дикие» или «ужасные крики» казаков: «Ура! Ура! Коли! Пошел, пошел!»⁵⁸ Ж. Лекуант де Лаво в своей книге «Москва до и после пожара» также несколько раз описывает, какое впечатление на пленных французов в 1812 г. производило «Ура!» русских, которое последние кричали каждое утро и затем еще по несколько раз на дню: "Ура" вселяло панический ужас»⁵⁹. Однажды, когда пленные французы посадили к себе в телегу какую-то женщину, а казаки внезапно крикнули «Ура!», женщина с телеги упала. Сами перепугавшись, французы решили, что и она свалилась от ужаса⁶⁰.

Каждый человек в зависимости от политической культуры своей страны и контекста конкретной ситуации может одному и тому же слову или возгласу придать совершенно разные смыслы. 6 (18) января в 10 утра в мэрии Лангра собрался городской совет, чтобы решить вопрос о реквизициях, которые предписал провести австрийский комиссар. Вдруг с площади, где стояло бивуаком несколько тысяч человек, раздался страшный крик «Ура!», перепугавший членов городского совета. Они решили, что это сигнал к грабежу. И только командир местных национальных гвардейцев успокоил излишне впечатлительных чиновников: «Если это

«ломаное» «О ра», что можно перевести как «На крысу!» Это их оскорбило, и в ответ французы стали кричать «На кошку!», что звучит как «О ша».

⁵⁷ С. Петин описывает стычку казаков из императорского конвоя с французской пехотой из дивизии Пакто под Фер-Шампенуаз: «Молодецкий боевой гик казаков оглушил французскую пехоту раньше, нежели она успела как следует свернуться в каре...». - См.: *Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой: Исторический очерк.* СПб., 1899. С. 28.

⁵⁸ *Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'Empire, depuis 1805 jusqu'au 1er mai 1814, pour servir à l'histoire de Napoléon.* Paris, 1827-1829. 4 vol. T. 2. P. 99, 115.

⁵⁹ *Lecoinge de Laveau G. Moscou avant et après l'incendie, notice contenant une description de cette capitale, des mœurs de ses habitants, des événements qui se passèrent pendant l'incendie.* P., 1814. P. 136, 157.

⁶⁰ «Неужели вы думаете, – обратился к оставшимся в телеге «варвар», – я прикажу остановиться, чтобы подобрать ее?!» См.: *Lecoinge de Laveau G. Moscou avant et après l'incendie...* P. 135.

крик радости, то это не опасно». И действительно, войска грянули «ура» в честь прибытия очередного генерала⁶¹.

Автор «Истории Мелёна», как и другие горожане, стал свидетелем того, как 4 (16) февраля несколько вражеских всадников с криками «Ура!» преследовали гусара, высланного из города в дозор на близлежащую гору: «Это был первый крик беды, дикий крик вторжения, который в первый раз долетел до ушей горожан гласом скорби. <...> От этого крика Мелён содрогнулся, он был похож на крик пиратов Севера <...> и от него было не укрыться, крепостные стены не могли от него защитить»⁶². Видимо, подобное впечатление производил не столько даже сам звук, сколько его громкость, слаженность и вложенная в него интонация. Неслучайно он продолжал слышаться некоторым мемуаристам и пятьдесят лет спустя с той же отчетливостью, как и в момент их первой встречи с «варварами Севера».

Список литературы

- Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136-150. [Gladyshev A.V. Antropologicheskij povорот v voennoj istorii // Dialog so vremenem. 2017. T. 59. S. 136-150].
- Гладышев А.В. Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции во время кампании 1814 года // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2013. Вып. 7–8. С. 28-56. [Gladyshev A.V. Prishedshie s holoda: vospriyatие «kazaka» naseleniem Francii vo vremya kampanii 1814 goda // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. A.V. Gladysheva. Saratov: Sarat. gos. un-t, 2013. Vyp. 7–8. S. 28-56].
- Губина М.В. «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. [Gubina M.V. «Vojna per'ev» v 1812 godu // Francuzskij ezhegodnik 2013: «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. Moskva: IVI RAN, 2013.]
- Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 171-208. [Zapiski generala V.I. Levenshterna // Russkaya starina. 1902. T. 111. № 7. S. 171-208].

⁶¹ Delecey de Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814...

⁶² Nicolet H.G. Histoire de Melun. Melun, 1843. P. 524.

- Михайловский-Данилевский А.И.* Описание похода во Францию в 1814 году. В 2 ч. СПб.: Тип. Департамента Внешней торговли, 1836. [Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Opisanie pohoda vo Franciyu v 1814 godu. V 2 ch. SPb.: Tip. Departamenta Vneshnej trgovli, 1836]
- Петерс Т.П.* С полей сражений 1812-1815 гг.: трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына. М.: Русский мир, 2012. [Peters T.P. S polej srazhenij 1812-1815 gg.: trofejnye pis'ma maršalov, generalov, chinov Velikoj armii imperatora Napoleona I i perepiska general-lejtenanta knyazy D.V. Golicyna. Moskva: Russkij mir, 2012].
- Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой: Исторический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. [Petin S. Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoj: Istoricheskij ocherk. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1899.]
- Рей М.-П.* Царь в Париже. М.: Политическая энциклопедия, 2017. [Rej M.-P. Car' v Parizhe. Moskva: Politicheskaya ehnciklopediya, 2017].
- Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. М.: Наука, 1991. [Fevr L. Civilizaciya: ehvolyuciya slova i gruppy idej // Boi za istoriyu. Moskva: Nauka, 1991].
- Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 336-365. [Tchoudinov A.V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii // Francuzskij ezhegodnik: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda. M.: IVI RAN, 2012. S. 336-365].
- Bausset L.F.J.* Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événemens de l'Empire, depuis 1805 jusqu'au 1er mai 1814, pour servir à l'histoire de Napoléon. 4 vol. Paris: Baudouin, 1827-1829.
- Beauchamp A.* Histoire de la campagne de 1814: et de la restauration de la monarchie française. Paris: Le Normant, 1815.
- Blondeau B.* Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Saôn, le Beaujolais et la Domdes. Lyon: Société des Etudes Historiques Révolutionnaires et Impériales, 2013. [Электронный pecypc] – URL: <http://assosehri.fr/labibliothequesc/invasion-de-1814-1815-val-de-sa-ne-et-dombes.pdf> P. 227.

- Bordot J.G.* Napoléon en Champagne: épisodes de l'invasion de mil huit cent quatorze. Paris, Plancy, Arras: Société de SaintVictor pour la propagation des bons livres, 1854.
- Chesnel de la Charbouclais L.P.F.A.* Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires. Paris: J.-P. Migne, 1856.
- Chevalier L.* Histoire de Bar-sur-Aube. Bar-sur-Aube: L. Chevalier, 1851.
- Chuquet A.* L'Alsace en 1814. Paris: Plon, 1900.
- Corbet Ch.* À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967.
- Dardenne P.* Le récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «Lettres historiques» de Pierre Dardenne (1768–1857) / Ed. J. Hantraye. Paris: CTHS. 2008
- Dupuy A.* Les Cosaques dans l'histoire et la littérature napoléoniennes // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1971. T. 18. № 3. P. 430-445.
- Durand A.* Napoléon à Fontainebleau: choix d'épisodes. Fontainebleau: Hachette, 1850.
- Escuyer [G].* Compiègne en 1814 // 1814-1815. Souvenirs des régions envahies. Extraits du Carnet de La Sabretache. Paris: F. Teisseder, 1999.
- Goubina M.* La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html
- Guyot [Ch].* Souvenirs de la première invasion d'après le journal de Charles d'Espinal, maire de Fouchécourt, 25 décembre 1813 – 1er mai 1814 // Mémoires de l'Académie de Stanislas (Nancy). 1912. T. 10. P. 128-146.
- Hantraye J.* Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris: Belin, 2005.
- Houssaye H.* 1814. Paris: Didier, 1900.
- Juste Th.* Le soulèvement de la Hollande en 1813 et la fondation du royaume des Pays-Bas. Bruxelles: Bruylant-Christophe, 1870.
- Lebert H.* Souvenirs de 1813 et de 1814. Extraits d'un journal // 1814: la guerre racontée par les témoins / textes présentés par Pierre Robin. Paris: B. Giovanangeli, 2004. P. 13-27.

- Lecoinge de Laveau G.* Moscou avant et après l'incendie, notice contenant une description de cette capitale, des mœurs de ses habitants, des événements qui se passèrent pendant l'incendie. Paris: Gide fils, 1814.
- Lioyet G.* 1814-1815 à Moret et dans les environs. Fontainebleau: Imprimerie de M. Bourges, 1904.
- Melleville M.* Histoire de la ville de Laon et de ses institutions. 2 vol. Paris: Dumoulin, 1846.
- Migneret S.* Précis de l'histoire de Langres. Langres: Dejussieu, 1835.
- Nicolet H.G.* Histoire de Melun. Melun: Desrués, 1843.
- Pingaud L.* Les français en Russie et les russes en France: l'ancien régime, l'émigration, les invasions. Paris: Perrin, 1886.
- Rey M.-P.* Les cosaques dans les yeux des française, à l'heure de la compagnie 1814: contribution a une histoire des images et des representations en temps de guerre // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. P. 55-68.
- Rogeron L.* Les Cosaques en Champagne et en Brie. Récits de l'invasion de 1814, racontés d'après les contemporains, les autres modernes, des documents originaux. Paris: Gaillard, 1905.
- Sourdat.* Un village de la Haute-Marne. Villiers-en-Lieu // *Revue de Champagne et de Brie*. Arcis-sur-Aube. 1900. T. 12. P. 481-511.
- Steenackers F.-F.* L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris: Didier, 1868.
- Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France. Paris: Imprimerie d'Aubry, 1814.
- Villeneuve-Bargemon F.E.* Mémoires de Ferdinand-Emmanuel, marquis de Villeneuve-Bargemon // *Carnet de la Sabretache: revue militaire rétrospective*. 1923. Ser. 3. T. 6. P. 265-401.
-

Andrei V. Gladyshev

THE FIRST CONTACTS OF THE FRENCH POPULATION WITH THE "BARBARIANS OF THE NORTH»:

1814

The author of the article analyzes the experience of the French population which came for the first time in contact with soldiers of the Russian army in 1814. The French society regarded Russia as a semi-barbarian power, which was not an almost civilized. An appearance, way of speaking, "nice manners" etc. played an important role as a criteria

of “civilization”. The strange appearance of foreigners, their clothes, cheekbone and bearded faces, loud shouts, unusual voices and songs – it all seemed to the French inhabitants as unpleasant and deeply imprinted in their memory. According to the French system of civilization marks, the Cossacks were doomed at the first contact to get more “cons” than “pluses”.

Keywords: imagology, France, Russia, campaign of 1814, occupation, image of the Other